

М. М. РЕШЕТНИКОВ

СПУТНИКИ И ВСТРЕЧНЫЕ

**ВОСПОМИНАНИЯ
И ОЧЕРКИ**

Киров
Болго-Вятское книжное издательство
Кировское отделение
1987

А. А. Филев

вая покоя, драматические картины из недавно пережитого: фронтовые письма и рыдания солдатских вдов, пашни, возделанные почти исключительно женским трудом, без тракторов и даже лошадей, недоедание и отсутствие обуви. Воображение рисовало до боли знакомые эпизоды строительства межколхозной электростанции на реке Пущме: в страду и зимой, под завывание метелей и под проливным дождем, днем и ночью, несмотря ни на что, люди отдавали стройке всю свою энергию, часто последние силы.

И, наконец, первые ее огни...

Нет, положительно не писать об этом было нельзя!

«Так, через полтора года, — рассказывал Аркадий Александрович, — в глубокой тайне от всех я закончил свою первую книгу. Впрочем, это была еще не книга, а сырая, рыхлая рукопись, первыми читателями и первыми ценителями которой были Туркин и неизменный в те годы мой спутник по поездкам в командировки и мой бывший ученик, тогда уже секретарь райкома комсомола, а ныне известный писатель Владимир Тендряков».

Обратимся к словам самого Владимира Федоровича Тендрякова, который в дружеском, лирически окрашенном своем письме Аркадию Александровичу к дню его пятидесятилетия, в феврале 1965 года, воспроизвел интересные подробности из истории создания первой книги в те годы только начинавшего свой творческий путь писателя. Это письмо было прочитано на чествовании Филева в зале «Кировской правды».

«Дорогой Аркадий, мой друг и мой учитель! — писал Тендряков.

Вот и пришло время для воспоминаний. Я помню день, когда в нашем классе появился стриженный ежиком молодой учитель литературы. Помню, как со снобизмом самоуверенного школяра и чтобы прощупать «слабинку», попробовал надерзить, и при этом учитель осадил меня. Это было четверть века назад.

Помню окончание экзаменов, разговор в подосиновской роще о будущем. Помню твои слова о высокой профессии писателя. А я тогда мечтал о другом, я хотел стать художником. Это было, кажется, за два дня до начала войны...

Помню, как я увидел тебя в окно, выскочил в гимнастерке на снег и мы обнялись: «Жив?» — «Жив!» Война тогда шла к концу. Позади были окопы, госпитальная койка, а впереди у нас будущее.

Помню берега реки Юг, закаты над селом Шолга, осеннюю могилку твоего школьного учителя на тихом, знойном, пропахшем земляникой деревенском кладбище и первые страницы твоего первого романа. Первые страницы, первые шаги, опять общие — твои и мои. И в те дни я впервые приобщился к литературной профессии, стал твоим критиком.

Помню, и ты помнишь, — голубой абажур из линялого шелка, он дал название маленькому литературному обществу, самому маленькому и скромному, какие только бывали среди любителей литературы. «Голубой абажур» — вечера над страницами рукописи, рассуждения о мастерстве, о долге литератора, и опять о будущем, о будущем, о таинственном, заманчивом будущем — твоим, моим, черт возьми! — о будущем страны, пусть это покажется кому-то выпендрением!

И, конечно, помнишь, кто был первым иллюстратором твоей книги — один неудачливый художник. Неудачливый! Ты в том повинен, ты убил во мне художника, заразив литературой. Тебе я обязан, что заболел хронической и тяжелой болезнью, называемой — писательство. Кто знает, добрался ли бы я до письменного стола?

Наверное, без конца можно повторять: помню — помнишь. Мы оба уже несем солидный груз своих биографий, оба, вместе, так как наши биографии переплелись, их трудно отделить одну от другой.

Четверть века! Даже для жизни целого народа — срок ощутимый.

Я считаю себя удачником, что встретился с тобой, что шагаю с тобой бок о бок целых четверть века, и сейчас, в твоё пятидесятилетие, оглядываюсь вместе назад — что ж, время не прошло напрасно, кой-что сделано.

Очень жалею, что в этот день я не с тобой. Не с тобой?.. Нет, не то слово. — с тобой, рядом, по-прежнему твой друг и твой ученик!

Я отдал долг воспоминаниям — их нельзя обойти, а теперь хочу опять вместе с тобой, как бывало, заглянуть в будущее. Тебе пятьдесят, выходит, не так уж и старше меня по годам мой школьный учитель. Жизнь далеко не кончена, верю, ты еще сделаешь многое, ты еще поставишь на полки рядом свои новые книги. Новые — для писателя это слово всегда несет в себе надежды. Виктора Гюго спросили: какую из своих книг он считает лучшей. Он ответил: «Ту, что еще напишу». В тот день он справлял восьмидесятилетний юбилей.

Верю — впереди новые книги, одна эта надежда придает силы и бодрость. Желаю здоровья, желаю успехов!

Обнимаю. Твой старый школяр Владимир».

Письмо Владимира Тендрякова, которое с живым интересом слушали мы на юбилейном вечере, публикуется впервые. Оно рисует неизвестную до сих пор страницу начала литературного творчества Аркадия Александровича. А вместе с тем — и подступы к творчеству другого талантливого писателя Владимира Тендрякова.

С того дня, когда было получено Аркадием Александровичем это письмо, прошло более десятка лет. Литературная общественность отметила шестидесятилетие писателя. На полку, рядом с прежде написанными романами, действительно встали еще новые. Верилось, что будут и другие.

Но первая книга, первое литературное детище особенно дорого автору по воспоминаниям, связанным с его созданием, и обстоятельствами первой публикации.

Рукопись «Елены Русановой» в первом варианте попала в руки автора знаменитых «Брусков» Федора Ивановича Панферова. Он в те годы редактировал журнал «Октябрь». Панферов сразу же предложил Аркадию Александровичу заключить договор на публикацию романа в «Октябре». Но, чувствуя, что над рукописью еще требуется работа, автор уехал домой с намерением улучшить книгу. Однако дело затянулось. Обязанности председателя райисполкома, а затем секретаря райкома партии поглощали все время, для писательского труда оставались немногие ночные часы после утомительного рабочего дня. Только спустя два года роман «Елена Русанова» появился в альманахе «Кировская новь». Отдельным изданием книга вышла в 1952 году.

Таким образом, роман «Елена Русанова» имел два варианта — в альманахе и в отдельном издании. Второй вариант сжат в объеме почти наполовину. Правда, это позволило автору сделать более четкой несколько рыхлую вначале композицию, выбросить отдельные сцены и эпизоды, несущественные или даже лишние в разворачивании сюжета, убрать довольно большое количество «проходных» персонажей. Но это сокращение принесло с собой и неизбежные издержки: обедненными оказались некоторые образы, усилились элементы схематизма в обрисовке некоторых событий. Автор впоследствии с горечью убедился в этом. Передавая книгу «Елена Русанова» в дар Кировскому литературному музею, он написал на обратной

стороне обложки свои размышления о работе над ней, изложив их в форме некой притчи:

«Это первая моя книга. Судьба первой книги почти всегда схожа с судьбой деревца, которое взялся облагораживать молодой неопытный садовник. Вначале деревце выросло высокое, ветвистое, с буйной, звенящей листвой. Молодой садовник походил около него, срезал один сучок, другой... Присмотрелся, чего-то недостает. Побежал к соседу за советом. Тот пришел с топориком и принялся рубить сучки по своему разумению. Однако и он был не уверен, все ли получилось хорошо. Тут пригласили садовника поопытнее. А тот и говорит: «Деревце-то и так длиновато было, а вы, обрубив сучки, еще больше удлиннили его. Надо верхушки немного срезать». И срезали... Только несколько лет спустя молодой садовник понял, что сучки-то они обрубали напрасно».

Несомненно, отдельные моменты обсуждения романа «Елена Русанова» на Всесоюзном совещании молодых писателей и некоторые выводы, сделанные тогда, были перенесены Лидией Сейфуллиной в ее критическую статью под заглавием «Колхозная новь», опубликованную в 1953 году в кировской молодежной газете «Комсомольское племя». Кроме образа героини романа Елены Русановой, который Сейфуллина объявила удачей автора, она отметила, что на других героях книги «лежит печать трафарета». Указала на недостатки языка и психологическую неубедительность отдельных эпизодов. Но в заключение писала: «Роман дает право утверждать, что у автора налицо знание жизни, умение видеть. Недостатки книги зовут автора к повышению художественного мастерства, к дальнейшей работе над романом».

Таким напутствием писательница старшего поколения, одна из зачинателей советской художественной прозы Лидия Сейфуллина благословила на литературный путь молодого писателя.

Позднее, вернувшись к образам и событиям своей первой книги, Аркадий Александрович создал законченное, уже вполне зрелое произведение, как бы исполняя наставления Лидии Николаевны Сейфуллиной.

Роман «Елена Русанова» публиковался в альманахе «Кировская новь» в течение трех лет. В том журнальном варианте он был помечен автором как часть эпопеи, посвященной деревне в годы войны. Замысел писателя нашел свое полное воплощение значительно позднее — в романе «Мать-мачеха», первое издание которого состоялось

в 1960 году, уже после того, как был опубликован второй роман Филева «Свои, талицкие».

Первоначально А. Филев хотел дать другое название своему роману. Отвечая двум читателям, обратившимся через редакцию областной газеты с просьбой к автору расказать на страницах «Кировской правды» о своих литературных планах, А. А. Филев писал: «Сейчас я работаю над новым романом «Когда прилетают чайки». Так первоначально хотел он назвать свой новый роман о Елене Русановой. В этом же своем ответе читателям Аркадий Александрович дал и аннотацию будущей книги: «Это будет книга (в нее войдут, как часть, и переработанные главы из «Елены Русановой») о моих сверстниках, родившихся в суровые и радостные дни Октября, об их первых шагах в познании нового мира, об их первых схватках со злом прошлого, о новых радостях счастливого труда, о суровых днях Великой Отечественной войны, — книга о трудных путях моих сверстников». Таковы тема и направление романа, сообщенные самим автором. Роман «Мать-мачеха», по существу, представлял собою расширенный и улучшенный вариант первого крупного произведения А. Филева.

Первая книга вошла в новую фрагментарно — отдельными главами и эпизодами. В романе «Мать-мачеха» расширились временные рамки: действие начинается в конце революции историей двух семейств — Суслоновых и Русановых, связанных между собой отдаленным родством. Главными действующими лицами являются представители этих семейств: Елена, урожденная Суслонова, а затем в замужестве Русанова, и ее муж Яков Русанов. Значительная роль отведена здесь также председателю колхоза «Огоньково» Андрею Русанову — отцу Якова и Никите Суслонову — отцу Елены, людям совершенно разного склада.

По сравнению с «Еленой Русановой» автор ввел в книгу новые персонажи, в сюжетной линии появились новые события. Многие характеры получили более полное развитие. Отношения людей друг к другу, не всегда отчетливо выписанные в первом романе, здесь уточняются и приводятся в полную ясность. Сюжету романа придана особая трагедийная острота, порожденная войной. Действие, начиная со второй части, протекает не только в глубоком тылу, но и на фронте, включаются и сцены из фашистского лагеря для военнопленных.

Если общественно-производственная линия сюжета —

борьба за урожай, строительство гидроэлектростанции, заготовка леса для Донбасса, все в условиях сурового военного времени, остается в основном прежней, то в личных судьбах героев происходят большие изменения. В центре романа теперь уже судьба не одной только Елены, возглавившей родной колхоз, но и ее мужа Якова Русанова и секретаря райкома партии Ермакова. Эти три основных героя романа, вокруг судеб которых автор выткал довольно сложную фабулу произведения, — люди, опаленные войной.

«Мать-мачеха» была третьим романом Аркадия Филева. Писательское перо окрепло. Увереннее, чем в первых двух книгах, выбирает он и кладет на полотно краски. Обогатился язык автора и персонажей. Книга сразу же обратила на себя внимание и читателей, и критиков. обстоятельной рецензией откликнулся на нее в журнале «Октябрь» М. Синельников. Отмечая глубокое знание автором жизни, стремление показать главное в судьбах колхозного села, а равно и серьезное отношение к слову, рецензент пишет: «Сильные стороны романа ощутимы отчетливо, и каждый читатель, несомненно, оценит и насыщенные, неторопливо выполненные бытовые зарисовки, и живую колоритную речь некоторых персонажей, и острые столкновения, проясняющие принципиальную позицию героев».

Роман «Мать-мачеха» был дважды издан Кировским книжным издательством.

После того вышли новые книги писателя, но образ Елены Русановой оставался для него любимым. В последние годы своей жизни он вернулся к роману «Мать-мачеха» и к названию первой своей книги. И в 1978 году, уже по-смертно, роман Аркадия Филева «Елена Русанова» был издан вновь.